

Алексеев В.Д.

К вопросу об индивидуальных и личностных факторах
формирования рискованного поведения

Alekseev V.D.

On the issue of individual and personal factors
in the formation of risk behaviour

Московский Институт Психоанализа, Москва, Россия

Данная статья посвящена исследованию взаимосвязи между личностными качествами и склонностью к рискованному поведению. В условиях современного общества, где неопределённость и стремительные изменения становятся всё более заметными, важно понимать, как индивидуальные особенности личности влияют на принятие решений, связанных с риском.

Цель исследования: углубление понимания механизмов рискованного поведения с точки зрения индивидуальных черт личности при помощи эмпирического исследования с использованием набора классических отечественных и зарубежных методик.

В ходе работы применялись такие методики, как: Краткий опросник Большой пятерки – КОБП (ГПИ), тест смысловых ориентаций (СЖО), методика изучения особенностей проявления инновационного потенциала личности Власенко Ю.А., Калина В.К., методика «Измерение рациональности», опросник «Личностные факторы принятия решений» (ДФР-25), тест «Потребность в поиске ощущений», методика «Самооценка склонности к экстремально-рискованному поведению» (М. Цуккерман), методика диагностики степени готовности к риску Шуберга, методика «Исследование склонности к риску» А. Г. Шмелева, тест «Способны ли вы идти на оправданный риск?».

В целом полученные результаты показывают, что группа респондентов характеризуется умеренной склонностью к риску, осторожностью и предпочтением стабильности, что поддерживается более высоким уровнем внутренней мотивации и смысловых ориентиров с выраженностью таких черт личности, как добросовестность и открытость новому опыту. Также большинство респондентов, как мужчины, так и женщины, проявили низкий уровень экстраверсии. Такая тенденция указывает на более выраженную интровертированную направленность выборки. Обобщенный портрет респондента свидетельствует об общей готовности к адаптации, но без чрезмерного авантюризма.

Ключевые слова: черты личности, рискованное поведение, стремление к риску, принятие решений

Для цитирования: Алексеев, В.Д. К вопросу об индивидуальных и личностных факторах формирования рискованного поведения // Новые психологические исследования. 2024. № 4. С. 185–212. DOI: 10.51217/psyresearch_2024_04_04_08

Введение

Проблематика исследования взаимосвязи личностных качеств и склонности к рискованному поведению привлекает внимание психологов, социологов и специалистов в области поведенческих наук уже на протяжении многих десятилетий. Риск как социальный и психологический феномен проявляется во множестве аспектов человеческой жизни, начиная от повседневных решений и заканчивая критическими ситуациями, влияющими на здоровье, финансовое благополучие и социальное взаимодействие. В контексте стремительно меняющегося мира, где неопределённость и перемены становятся всё более ощутимыми, изучение того, как индивидуальные особенности личности влияют на поведение человека в условиях риска, приобретает особую актуальность. Рискованное поведение представляет собой действия, которые могут привести к негативным последствиям для личности, её окружения или общества в целом. Такие действия могут наблюдаться в различных сферах: от здоровья и финансов до социальных взаимодействий и рекреационных мероприятий. Например, рискованное поведение в сфере здоровья может включать курение, злоупотребление алкоголем или наркотиками, несоблюдение правил безопасного сексуального поведения, что влечет за собой серьёзные последствия для физического и психического здоровья. В финансовой сфере рискованное поведение существует в виде азартных игр, спекулятивных инвестиций и нерациональных расходов, итогом чего становится финансовая нестабильность. Социально рискованное поведение выражается как в участии в антисоциальных действиях, нарушении социальных норм, так и во вступлении в нестабильные или опасные отношения. Наконец, в рекреационной сфере рискованное поведение может проявляться в увлечении экстремальными видами спорта или другими активностями, сопряжёнными с высокой вероятностью получения травм или даже гибелью. Одним из ключевых вопросов, который исследуется в рамках изучения рискованного поведения, является то, какие личностные качества способствуют склонности к таким действиям. Понимание этих механизмов имеет

важное значение не только для академических исследований, но и для практических применений, включая разработку программ профилактики, направленных на снижение уровня рискованного поведения. Определив, какие черты характера предрасполагают людей к определенному рискованному поведению, можно спланировать целенаправленные мероприятия. Например, развитие навыков эмоциональной регуляции у высоконевротичных людей или поощрение здорового рискованного поведения у тех, кто стремится к сенсациям, может смягчить пагубное поведение. Кроме того, такое понимание может стать основой для создания стратегий общественного здравоохранения, образовательных программ и политики на рабочем месте, направленных на снижение числа инцидентов, связанных с риском. При изучении влияния личностных особенностей на рискованное поведение также важно учитывать перспективы развития. Подростковый возраст – период, характеризующийся повышенной склонностью к риску, – представляет собой благодатную почву для наблюдения проявлений и развития личностных качеств. На этом этапе префронтальная кора головного мозга, отвечающая за принятие решений и контроль импульсов, все еще формируется, что делает подростков более восприимчивыми к рискованному поведению. Выявление взаимосвязи между личностными особенностями и траекторией развития в подростковом возрасте может способствовать более глубокому пониманию, какие профилактические меры и вмешательства будут наиболее эффективны. Кроме того, важную роль в формировании личности и рискованного поведения играют культурные факторы. В разных обществах существуют различные нормы и ценности, влияющий на то, что считается приемлемым или рискованным. Например, в коллективистских культурах может не поощряться индивидуальный риск, который может нанести вред группе, а в индивидуалистических культурах может поощряться личный риск, направленный на самосовершенствование. Понимание этих культурных аспектов крайне важно для разработки эффективных стратегий вмешательства с учетом культурных особенностей. Биологические основы такие, как генетическая предрасположенность и нейробиологические механизмы, также вносят свой вклад в связь между чертами личности и рискованным поведением. Исследования показали, что генетические факторы могут влиять на такие черты, как импульсивность и стремление к ощущениям, а те, в свою очередь, влияют на рискованное поведение. Нейробиологические исследования выявили конкретные области мозга и нейротрансмиттерные системы,

участвующие в обработке вознаграждения и оценке риска, что позволило глубже понять биологическую основу рискованного поведения (Beauchaine, Zisner, 2017). В заключение следует отметить, что изучение того, как черты личности воздействуют на рискованное поведение, – это многогранная работа, охватывающая различные области психологии, социологии и нейронауки. Интегрируя знания из этих областей, можно достичь всеобъемлющего понимания механизмов, лежащих в основе рискованного поведения. Такое понимание не только полезно с академической точки зрения, но и необходимо для разработки эффективных стратегий, направленных на поощрение безопасного поведения и повышение благосостояния личности. По мере углубления в эту сложную взаимосвязь становится ясно, что черты личности представляют собой важнейшую линзу, через которую можно понять и рассмотреть всю сложность человеческого поведения.

Ключевые теоретические положения о чертах личности

Для определения взаимосвязи между чертами личности и рискованным поведением рассмотрим ключевые теории личности, которые сформировали наше понимание человеческого поведения за последнее столетие. Одной из наиболее признанных моделей является система «Большой пятерки» черт личности, также известная как Пятифакторная модель (ПФМ). Эта модель, где личность подразделяется на пять широких измерений – открытость опыту, добросовестность, экстраверсия, согласие и невротизм, – была разработана в основном Полом Костой и Робертом МакКреем (Costa, McCrae, 1992) в конце XX века, а корни ее уходят в более ранние исследования Гордона Олпорта и Раймонда Кэттелла в середине XX века. Модель «Большой пятерки» возникла в период, когда психология личности переходила к эмпирическим, основанным на признаках подходам, поскольку исследователи стремились создать таксономию личности, которая могла бы предсказывать различные жизненные результаты, включая рискованное поведение. На разработку модели «Большой пятерки» повлияла лексическая гипотеза, предполагающая, что наиболее важные черты личности со временем закрепляются в языке. Такие исследователи, как Олпорт, в 1930-х годах выделивший в английском языке тысячи слов, связанных с личностью, заложили основу для последующих факторно-аналитических исследований Кэттелла и других ученых, кто затем рационально свел эти черты к более простому числу. «Большая пятерка» Коста и МакКрея

обеспечила надежную основу для понимания того, как конкретные личностные характеристики влияют на поведение. Экстраверсия, характеризующаяся общительностью, напористостью и стремлением к возбуждению, часто связана с более высокой вероятностью участия в социальных и авантюрных рисках таких, как экстремальные виды спорта или публичные выступления. Эта черта особенно важна для понимания принятия риска в социальных контекстах, где стремление к стимуляции и положительным эмоциональным переживаниям может привести к поведению, связанному со значительным риском. Невротизм, еще одна ключевая черта, характеризуется эмоциональной нестабильностью и тревожностью и обуславливает импульсивные решения при большей склонности к рискованному поведению такому, как азартные игры или злоупотребление психоактивными веществами в качестве средства преодоления негативных эмоций. С другой стороны, добросовестность, как правило, выступает в качестве защитного фактора от рискованного поведения. Люди с высоким уровнем добросовестности обычно дисциплинированы, организованы и не склонны к риску, что позволяет им избегать действий, способных поставить под угрозу их долгосрочные цели или благополучие. Еще одна важная модель – трехфакторная модель личности Ганса Айзенка (PEN), появившаяся в середине XX века. Под влиянием интереса к биологическим основам личности Айзенк предположил, что личность может быть понята через три основные черты: Психотизм, Экстраверсия и Невротизм. Его модель была разработана в то время, когда исследователи все больше интересовались связью черт личности с биологическими процессами такими, как возбуждение и нейротрансмиттерные системы (Eysenck, Eysenck, 1985). Работа Айзенка обеспечила более биологически ориентированный взгляд на личность, определив, что такие черты, как психотизм, который ассоциируется с агрессивностью и отсутствием эмпатии, могут предрасполагать людей к антисоциальному и рискованному поведению. Эта модель дополняет «Большую пятерку», явив собой более сфокусированный взгляд на биологические и психометрические аспекты личности. Психодинамическая теория Зигмунда Фрейда, возникшая в начале XX века, представляет собой исторический взгляд на личность и поведение (Freud, 1923). В основе теории Фрейда лежала идея о том, что бессознательные влечения и ранний жизненный опыт в значительной степени формируют личность через развитие ид, эго и суперэго. Хотя идеи Фрейда были менее эмпирически обоснованы, чем более поздние теории та-

кие, как «Большая пятерка» или PEN-модель Айзенка, тем не менее, они содержали ценные мысли о роли внутренних конфликтов и бессознательных мотивов в рискованном поведении. Следует также отметить, что утверждение Фрейда о влиянии раннего опыта и бессознательных желаний на поведение личности и в целом на ее развитие органически вошло в основу современных теорий. Наконец, гуманистический подход Абрахама Маслоу, разработанный в середине XX века, предлагает иной взгляд на личность и поведение, особо выделяя самоактуализацию и личностный рост (Maslow, 1943).

Ключевые теоретические положения о рискованном поведении

Теории рискованного поведения развивались на протяжении последнего столетия, каждая из них возникала в ответ на конкретные интеллектуальные течения и научные достижения своего времени. Ниже представлен исторический обзор того, когда были разработаны эти теории, какие идеи на них повлияли и как они связаны друг с другом. Теория когнитивного диссонанса в 1957 году была выдвинута Леоном Фестингером (Festinger, 1957) в период, когда когнитивная психология бросала вызов доминирующей бихевиористской парадигме. По всей вероятности, на Фестингера повлияла та область когнитивной психологии, которая начала оспаривать господство бихевиоризма. Идея о том, что люди стремятся к согласованности между своими убеждениями, установками и поведением, отличалась от бихевиористской ориентации на внешние стимулы и реакции на них. Теория Фестингера предполагала, что, когда люди испытывают диссонанс (конфликт между убеждениями и действиями), они мотивированы уменьшить его, часто путем изменения своих взглядов или убеждений. Эта теория заложила основу для понимания того, как психологический дискомфорт может определять поведение, в том числе рискованное. В 1960-х годах Альберт Бандура представил теорию социального научения, на которую оказали глубокое влияние как бихевиоризм, так и зарождающиеся когнитивные теории (Bandura, 1977). Среди них работы таких бихевиористов, как Б. Ф. Скиннер, подчеркивавший роль подкрепления в обучении, и когнитивных теоретиков, изучавших психические процессы. Теория Бандуры добавила к уже существующим научным подходам социальное измерение, утверждая, что люди учатся поведению, наблюдая за другими, а не только благодаря прямому подкреплению. Знаменитый эксперимент с куклой Бобо, проведенный в 1961 году, показал, что

дети могут научиться агрессивному поведению, наблюдая за взрослыми, и эту концепцию можно легко применить для понимания усвоения рискованного поведения через наблюдение. Теория поиска ощущений была разработана в 1964 году Марвином Цукерманом в период растущего интереса к психологии личности (Zuckerman, 1964). В этот период научные интересы концентрировались в области психологии личности, и преобладали исследования возбуждения и его влияния на поведение. Теория Цукермана возникла как ответ на вопрос о причинах наблюдавшегося поведения некоторых людей, казалось, стремившихся к новым и интенсивным переживаниям, даже если они были связаны со значительным риском. Работа Цукермана, сосредоточившись на черте, связанной с поиском ощущений, помогла объяснить, почему некоторые люди более других склонны к рискованному поведению, дополнив тем самым существующие теории личности. В 1979 году Дэниел Канеман и Амос Тверски представили теорию перспектив – новаторскую концепцию, возникшую на фоне растущей критики традиционных экономических моделей рационального принятия решений (Kahneman, Tversky, 1979). Канеман и Тверски были частью когнитивной революции, которая подчеркивала роль ментальных процессов в принятии решений. Их работы бросали вызов доминирующей теории ожидаемой полезности, продемонстрировав, что люди не всегда действуют рационально, принимая решения в условиях риска. Авторы обнаружили, что люди более чувствительны к потенциальным потерям, чем к эквивалентным выигрышам, – концепция, известная как неприятие потерь. Теория перспектив кардинально изменила понимание процесса принятия решений и предоставила «новую линзу», через которую можно рассматривать рискованное поведение. Джеральд Дж. С. Уайлд представил теорию гомеостаза риска в 1982 году, размышляя над исследованиями в области безопасности, ставившими под сомнение эффективность технологических улучшений безопасности (Wilde, 1982). На поиски Уайлда повлияло наблюдение, что технологические усовершенствования в области безопасности не всегда приводили к пропорциональному снижению количества несчастных случаев. Он предположил, что у людей есть целевой уровень риска, их устраивающий, и они корректируют свое поведение, чтобы поддерживать этот уровень. Данная теория была несколько противоречивой, так как предполагала, что меры по обеспечению безопасности не всегда снижают общий риск, поскольку люди могут компенсировать его, принимая на себя больший риск в других местах.

Это контрастировало с теориями, предполагавшими, что меры безопасности естественным образом снижают риск. В 1990-х годах была разработана теория саморегуляции, в частности, Роем Баумайстером (Baumeister, Vohs, 2007). Теория саморегуляции развивалась в 1990-х годах под влиянием как более ранних работ по самоконтролю, так и растущего интереса к пониманию психологических механизмов, лежащих в основе поведения, направленного на достижение цели. На Баумайстера и его коллег воздействовало растущее признание важности самоконтроля в различных сферах, включая здоровье, финансы и социальное поведение. Теория предполагала, что саморегуляция – это ограниченный ресурс, который может быть истощен, что приводит к ослаблению самоконтроля и, как следствие, к рискованному поведению. Эта идея основывалась на более ранних теориях силы воли и добавляла свой динамический компонент, предполагая, что потенциал саморегуляции может быть исчерпан, а это приводит к импульсивным решениям. Кит Станович и Ричард Уэст выдвинули теорию двойного процесса в 1990-х годах, в период интенсивного изучения когнитивных процессов. На работе Становича и Уэста (Stanovich, West, 2000) сказались более ранние исследования эвристики и предубеждений, в частности, работы Канемана и Тверски. Двухпроцессные теории различали два типа мышления: Система 1 (быстрое, автоматическое и интуитивное) и Система 2 (медленное, сознательное и аналитическое). Эти теории дали основу для понимания того, как люди могут принимать быстрые, рискованные решения (система 1) или более расчетливые, не склонные к риску решения (система 2), в зависимости от того, какая когнитивная система задействована. Концепция гиперболического дисконтирования, связанная с Джорджем Эйнсли, возникла в 1970-х годах, когда были проведены первые исследования того, как люди оценивают отложенное вознаграждение. Однако значительное внимание к ней было привлечено в 1990-х годах, так как экономисты и психологи начали более тщательно изучать иррациональные способы, с чьей помощью люди оценивают будущие вознаграждения по сравнению с немедленными. Работа Эйнсли показала, как часто люди делают выбор в пользу немедленного удовлетворения, даже если это приводит к долгосрочным негативным последствиям (Ainslie, 1975). Эта теория дополняет теорию перспектив, объясняя, почему люди склонны к рискованному поведению ради немедленного вознаграждения, несмотря на долгосрочные риски.

Ключевые теоретические положения о взаимосвязи черт личности и рискованного поведения

Понимание связи между чертами личности и рискованным поведением находится в центре внимания психологических исследований уже несколько десятилетий. Эмпирические исследования посвящены изучению того, как конкретные черты личности влияют на склонность человека к различным формам рискованного поведения. В этом разделе рассматривается связь между различными чертами личности, в частности, входящими в систему «Большой пятерки», и рискованным поведением, а также интегративные исследования, где рассматривается взаимодействие нескольких черт. Экстраверсия – одна из наиболее хорошо изученных черт, связанных с рискованным поведением. Экстраверты, характеризующиеся высоким уровнем общительности, напористости и стремлением к возбуждению, с большей вероятностью будут отличаться поведением, которое предполагает социальное или авантюрное вознаграждение. Исследования показали, что экстраверты более склонны к употреблению психоактивных веществ, включая алкоголь и наркотики, вероятно, из-за их стремления к стимуляции и новизне (Terracciano, Lockenhoff, 2008). Например, учеными была установлена значительная корреляция между экстраверсией и рискованным поведением таким, как пьянство и рекреационное употребление наркотиков. Экстраверты также чаще участвуют в экстремальных видах спорта и других видах деятельности, обеспечивающих высокий уровень возбуждения, стремятся к острым ощущениям, сопровождающим эти потенциально опасные ситуации. Невротизм, напротив, связан с эмоциональной нестабильностью, тревожностью и склонностью испытывать негативные эмоции. Люди с высоким уровнем невротизма более склонны к рискованному поведению в качестве механизма преодоления дистресса. Эмпирические исследования связывают высокий невротизм с азартными играми, импульсивными тратами и даже рискованным сексуальным поведением. Такое поведение часто является попыткой смягчить чувство тревоги или депрессии, обеспечивая временное облегчение ценой долгосрочных последствий. Например, обнаружено, что люди с высоким уровнем невротизма чаще играют в азартные игры или совершают импульсивные покупки, чтобы избавиться от негативных эмоциональных состояний (Lahey, 2009). Открытость опыту – еще одна черта, которая изучалась в контексте рискованного поведения. Людям с высокими показателями открытости свойственны любопытство, креативность и готовность исследовать новые идеи и опыт. Эта черта

была связана с большей склонностью к рискованному поведению, особенно к интеллектуальному или творческому риску (McCrae, Sutin, 2009). Например, люди с высокой степенью открытости могут чаще заниматься творчеством с неопределенными результатами. С другой стороны, добросовестность связывают с более низким уровнем рискованного поведения. Сознательные люди, как правило, дисциплинированы, организованы и осторожны, поэтому они менее склонны к поведению, способному поставить под угрозу их долгосрочные цели или благополучие. Эмпирические исследования постоянно показывают, что высокий уровень совестливости отрицательно коррелирует с такими видами поведения, как безрассудное вождение, злоупотребление психоактивными веществами и другими формами рискованного поведения (Arthur, Doverspike, 2000). Аналогично, люди с высоким уровнем согласия, кому свойственны такие черты, как доброта, эмпатия и кооперативность, менее склонны к рискованному поведению, особенно если оно может причинить вред другим или нарушить социальные нормы. Например, есть данные, что стоворчивые люди реже замечены в агрессивном или антисоциальном поведении, которое часто ассоциируется с повышенным риском (Graziano, Eisenberg, 1997).

Методы исследования

В общей сложности для исследования использовались десять опросников, из которых шесть фокусируются на чертах личности, а четыре исследуют особенности рискованного поведения. В их состав вошли классические методики отечественных и зарубежных авторов. **Метод исследования** – психологическое тестирование с использованием следующих методик:

Ведущей методикой исследования является краткий опросник большой пятёрки (КОБП) (Егорова и др., 2016). Методика представляет собой список из 10 пар прилагательных (по две пары на каждый фактор); испытуемый должен оценить степень своего согласия с каждым из утверждений в контексте их описательности («Я считаю себя...») по 7-балльной шкале. В исходном опроснике пары прилагательных подбирались так, чтобы одна пара отражала положительный, а другая – отрицательный полюс измеряемого конструкта. Таким образом, каждый фактор включал одно утверждение с «положительным» ключом и одно – с «отрицательным». Утверждения подбирались из описаний пяти факторов уже существующих опросников Большой пятёрки.

Методика «тест смысложизненных ориентаций (СЖО)» Д.А. Леонтьева (Леонтьев, 1992) представляет собой 20 симметричных шкал-вопросов, состоящих из пары целостных альтернативных предложений с одинаковым началом. Показатели теста включают в себя общий показатель осмысленности жизни (ОЖ), а также пять субшкал, отражающих три конкретные смысложизненные ориентации и два аспекта локуса контроля: «Цели в жизни». Характеризует целеустремленность, наличие или отсутствие в жизни испытуемого целей в будущем, которые придают жизни осмысленность, направленность и временную перспективу. «Процесс жизни или интерес и эмоциональная насыщенность жизни». Определяет удовлетворенность своей жизнью в настоящем, восприятие процесса своей жизни как интересного, эмоционально насыщенного и наполненного смыслом. Содержание этой шкалы совпадает с представлением, что единственный смысл жизни состоит в том, чтобы жить. «Результативность жизни или удовлетворенность самореализацией». Измеряет удовлетворенность прожитой частью жизни, оценку пройденного отрезка жизни, ощущение того, насколько продуктивна и осмысленна была прожитая ее часть. «Локус контроля – Я (Я – хозяин жизни)». Характеризует представление о себе как о сильной личности, обладающей достаточной свободой выбора, чтобы построить свою жизнь в соответствии со своими целями и представлениями о ее смысле, контролировать события собственной жизни. «Локус контроля – жизнь или управляемость жизни». Отражает убежденность в том, что человеку дано контролировать свою жизнь, свободно принимать решения и воплощать их в жизнь, убежденность в том, что жизнь человека подвластна сознательному контролю. Тест СЖО позволяет, таким образом, оценить «источник» смысла жизни, который может быть найден человеком либо в будущем (цели), либо в настоящем (процесс), или прошлом (результат), либо во всех трех составляющих жизни.

Методика изучения особенностей проявления инновационного потенциала личности – в соавторстве Власенко Ю.А. и Калина В.К. (Власенко, 2003) – позволяет определить инновационный потенциал личности с помощью таких категорий, как: общий показатель инновационного потенциала личности (ИПЛ), компонентный состав ИПЛ: возможность обнаружения нового информационного пространства и ориентации в нем, возможность адекватной оценки нового явления, возможность эффективно действовать в новой ситуации, типы реализации разных инновационных возможностей: осмысленно-интенсивный (ОИ), формально-накопительский

(ФН), позитивно-дифференцированный (ПД), негативно-генерализованный (НГ), инициативно-преобразовательный (ИП), вынужденно-приспособительский (ВП), значение ИПЛ на разных уровнях взаимодействия человека с миром: природном (средовом), социальном, культурном, на уровне организации собственной жизни.

Методика «Измерение рациональности» (Истратова, 2010) направлена на изучение особенностей личности, влияющих на принятие решения и способ выбора цели. В общей сложности методика оценивает десять личностных качеств: осторожность, нерешительность, зависимость при принятии решения от обстоятельств, прагматичность, настойчивость в осуществлении принятого решения, импульсивность принимаемых решений, решительность, самостоятельность в принятии решения, мечтательность и неустойчивость намерений.

Методика «Личностные факторы принятия решений (ЛФР-25)» (Корнилова, 2003) предназначена для диагностики двух личностных свойств – готовности к риску и рациональности – как психологических переменных, отражающих характеристики личностной регуляции выборов субъекта (как принятия решений) в широком контексте жизненных ситуаций. Опросник существует в 2 вариантах: 25 пунктов (ЛФР-25) и 21 пункт (ЛФР-21). В обоих вариантах опросника используется трехкатегориальный ответ:

1 – «высказывание хорошо меня характеризует»;

0 – «характеризует меня наполовину»;

-1 – «высказывание ко мне не относится».

Опросник строится на предположении о возможности осознания личностью того, в какой степени для нее характерны продуктивные способы разрешения ситуаций неопределенности, т.е., пункты, входящие в опросник, отражают субъективные репрезентации личностного риска в самосознании. В основе подбора пунктов опросника лежала методика Q-сортировки немецкого психолога Х. Вольфрама – EQS, включавшая изначально 3 шкалы – не-решительности, рискованности и рациональности. В опросниках ЛФР были усилены 2 последние шкалы, а шкала нерешительности убрана, поскольку оказалась связанной с тревожностью, но не с характеристиками выборов субъекта.

Тест «Потребность в поиске ощущений» (SSS-16) – это психологический инструмент, разработанный для измерения склонности человека к поиску ощущений (Никифоров, 2005).

Поиск ощущений – понятие, введенное психологом Марвином Цукерманом, – означает стремление к «разнообразным, новым, сложным и интенсивным» переживаниям и чувствам, а также готовность идти на риск для достижения этих переживаний. SSS-16 – это сокращенная версия оригинальной Шкалы поиска ощущений Цукермана (SSS), которая является широко известным в психологии инструментом для измерения черт, связанных с поиском ощущений. Эта 16-пунктовая версия разработана для того, чтобы обеспечить краткую оценку без ущерба для валидности и надежности шкалы.

Тест RSK (Risk-Taking) Томаса Шуберга (Котик, 1989) – это инструмент психологической оценки, предназначенный для измерения склонности человека к риску в различных ситуациях. В отличие от общих тестов личности, тест RSK специально фокусируется на рискованном поведении, предлагая участникам сценарии, различающиеся по степени риска. Такой подход позволяет исследователям получить представление о склонности человека к риску в конкретных ситуациях.

Ключевые особенности теста РСК: тест РСК оценивает рискованное поведение, рассматривая реакцию участника на набор гипотетических сценариев, предполагающих различные типы и уровни риска. Участники оценивают свою вероятность совершить каждое из представленных рискованных действий по шкале, которая различается по специфике в зависимости от версии теста. Каждый ответ отражает степень комфорта или дискомфорта человека в отношении конкретного вида риска. Более высокие баллы обычно указывают на большую склонность к риску, в то время как низкие баллы отражают осторожность или неприятие риска.

Методика «Исследование склонности к риску» А.Г. Шмелева включает в себя серию вопросов и ситуаций, связанных с разными аспектами рискованного поведения (Бабина и др., 1990). Тестируемому предлагается ответить на утверждения или оценить свою готовность к действию в представленных обстоятельствах. Высокие баллы по шкале склонности к риску обычно указывают на готовность к рискованным действиям в определенных аспектах, тогда как низкие баллы сигнализируют о стремлении избегать риска. Однако методика Шмелева также учитывает контекстуальные факторы: склонность к риску может проявляться по-разному в зависимости от социальной ситуации, эмоционального состояния и предшествующего опыта.

Методика «Самооценка склонности к экстремально-рискованному поведению» (М. Цукерман) (Римский и др., 1995), также известная

как Шкала поиска ощущений (Sensation Seeking Scale, SSS), является одной из самых известных методик для оценки склонности человека к экстремальным и рискованным видам поведения. Эта методика была разработана Марвином Цукерманом и направлена на выявление индивидуальных различий в стремлении к новым, интенсивным и возбуждающим переживаниям, часто связанным с риском. Шкала поиска ощущений Цукермана представляет собой анкету самооценки, которая включает вопросы и утверждения, помогающие определить, насколько человек склонен к различным видам рискованного поведения. Респонденты выбирают утверждения, больше всего соответствующие их внутренним стремлениям и поведенческим предпочтениям. Методика включает несколько ключевых аспектов, связанных с поиском ощущений: Поиск острых ощущений (ПОО) отражает стремление к занятиям, сопряженным с физическим риском или экстремальными условиями, например, экстремальные виды спорта. Поиск новых впечатлений (ПНВ) характеризует желание получать новые, уникальные ощущения, например, путешествия, знакомства с необычными культурами или людьми, а также интерес к искусству, музыке и другим нестандартным видам досуга. Неадаптивное стремление к трудностям (НСТ) определяет стремление к разного рода разгульным формам поведения таким, как алкогольные вечеринки, азартные игры, импульсивное поведение. Непереносимость однообразия (НО) указывает на уровень непереносимости однообразных и скучных ситуаций, когда человек активно ищет новые впечатления, чтобы избежать скуки.

Тест «Способны ли вы идти на оправданный риск?» (Леонов, 1993) взят из американского журнала «Forchun» и переведён И.Г. Леоновым. Тест касается, в первую очередь, риска в инвестировании средств в различные проекты и ценные бумаги. В тесте приведено 5 ситуаций, где респонденту предлагается принять решение в условиях неопределённости и финансового риска. Чем больше сумма набранных респондентом баллов, перечисленных в проценты, тем выше его склонность к финансовому риску.

Демографические данные

В исследовании принял участие двадцать один респондент в возрасте от 18 до 26 лет, из них одиннадцать мужчин и десять женщин. Средний возраст респондентов составил 22,1 год, средний возраст мужчин – 23,27 лет, средний возраст женщин – 20,8 лет.

Описание результатов

Краткий опросник Большой пятёрки – КОБП (ТРИ)

Большинство ответов отражают несогласие респондентов с утверждениями краткого опросника большой пятёрки: 14 параметров из 15 имеют отрицательные значения (см. рис. 1). Наименьший результат респонденты обоих полов набрали по параметру “экстраверсия”, причём женщины посчитали себя примерно в два раза менее экстраверсивными, чем мужчины. Мужчины набрали наибольший балл по параметрам “эмоциональная стабильность” и “открытость опыту”, а женщины – по параметру “добросовестность”. Наибольший разрыв между ответами двух полов наблюдается по вопросу экстраверсии, а открытость опыту стала чертой, вызвавшей меньше всего разногласий.

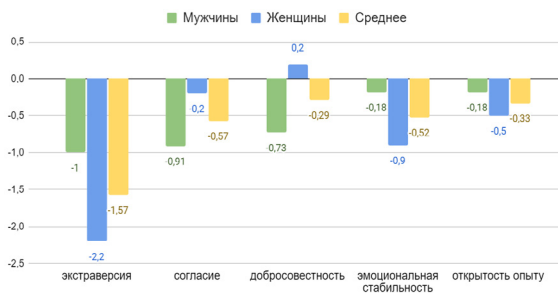

Рис. 1. Выраженность черт личности в зависимости от пола

Тест Смысложизненных ориентаций (СЖО)

Респонденты показали высокий уровень смысложизненных ориентаций, набрав в среднем 75% от максимума баллов опросника (см. рис. 2). Отклонение от среднего результата по половому признаку составило всего 2% в обоих случаях, а разрыв между результатами мужчин и женщин составил 4% в пользу мужчин.

Содержание смысложизненных ориентаций у мужчин и женщин не имело существенных различий (см. рис. 3). Ключевым элементом СЖО оказались жизненные цели, на втором и третьем месте – внешний локус контроля и ориентированность на процесс с разницей всего в 0,5%. Внутренний локус контроля имеет наименьшую долю в общем результате.

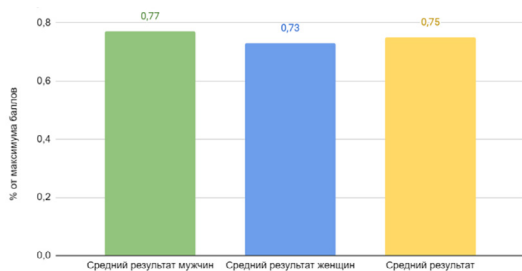

Рис. 2. Выраженность смысложизненных ориентаций

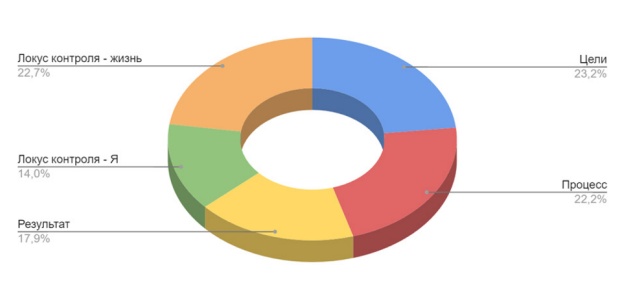

Рис. 3. Общее содержание смысложизненных ориентаций

Методика изучения особенностей проявления инновационного потенциала личности Власенко Ю.А., Калина В.К.

Средний интегральный показатель ИПЛ составил 111,71 баллов из 180 (около 62%), что говорит об уровне инновационного потенциала выше среднего (см. рис. 4). Результаты мужчин и женщин не имели существенных отклонений от среднего значения.

Кроме того, как видно на рисунке 5, результаты демонстрируют сбалансированный компонентный состав ИПЛ. Каждый аспект составил около трети от общего значения.

Наиболее выраженным оказался инициативно-преобразовательный тип (ИП) реализации инновационных возможностей (см. рис. 6). Меньше всего респонденты отнесли себя к формально-накопительскому типу. Обнаружение новой информации как категория получило наибольшие различия в результатах: разница между осмысленно-интенсивным (ОИ) и формально-накопительским (ФН) типами составила 2,43 балла. Результаты остальных категорий не показали существенных различий.

Рис. 4. Значения интегрального показателя ИПД в зависимости от пола

Рис. 5. Средний компонентный состав инновационного потенциала личности

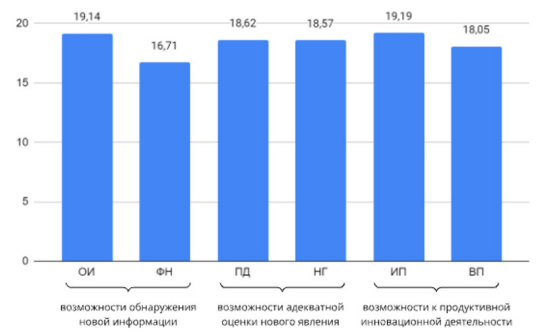

Рис. 6. Выраженность типов реализации инновационного потенциала личности

Методика «Измерение рациональности»

Всего данная методика измеряет склонность к десяти чертам личности. Пять из них измеряются только одним вопросом (то есть,

каждой из пяти черт личности соответствует один из пяти вопросов методики). Назовём такие черты простыми. Как можно видеть на рисунке 7, наименее популярной простой чертой личности оказалась настойчивость в осуществлении принятого решения, при этом неустойчивость намерений набрала больше всего респондентов. Действительно, неустойчивость намерений может мешать последовательно реализовывать принятое решение. Мечтательность, прагматичность и зависимость от обстоятельств набрали средние значения – 8, 13 и 11 респондентов соответственно.

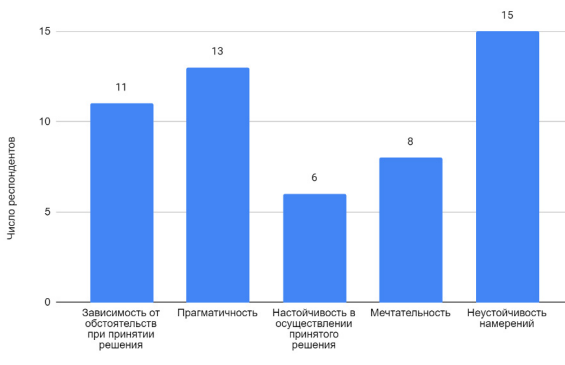

Рис. 7. Распространённость черт личности среди респондентов

Следующие пять черт личности будем считать сложными, поскольку одной такой черте соответствуют два и более вопросов методики. Например, об осторожности говорят утверждения 1) а), 2)а) и 4)а) опросника. Респондент, ответивший хотя бы на один из этих вопросов, как указано, считается осторожным. То есть, диаграмма учитывает всех, кто набрал одно, два или три совпадения с ключом. Именно этим обусловлено увеличение числа респондентов, обладающих сложными чертами, по сравнению с простыми.

Наиболее выраженной сложной чертой личности оказалась осторожность (см. рис. 8). Этой чертой в той или иной степени обладают 18 из 21 респондента, что представляет собой более 85% выборки. Решительность осталась наименее распространённым сложным качеством, набрав всего 13 респондентов.

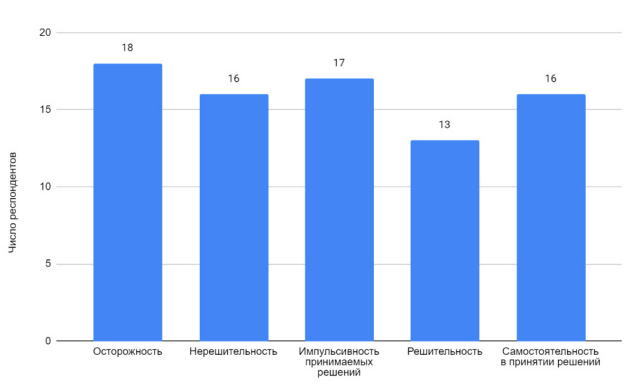

Рис. 8. Распространённость черт личности среди респондентов

Опросник «Личностные факторы принятия решений» (ЛФР-25)

По результатам исследования по параметру рациональность респонденты набрали в среднем 1,62 балла при максимуме в 12,5 баллов и минимуме в $-12,5$ баллов (см. рис. 9). Готовность к риску в среднем составила 0,1 балла при максимальном значении в 10,5 баллов и минимальном в $-10,5$ баллов. Женщины проявили больше готовности к риску, чем мужчины, с разницей в 0,96 балла. Процентильные значения совпадают со стандартными показателями. В целом результаты по обоим параметрам не показывают ярко выраженной динамики.

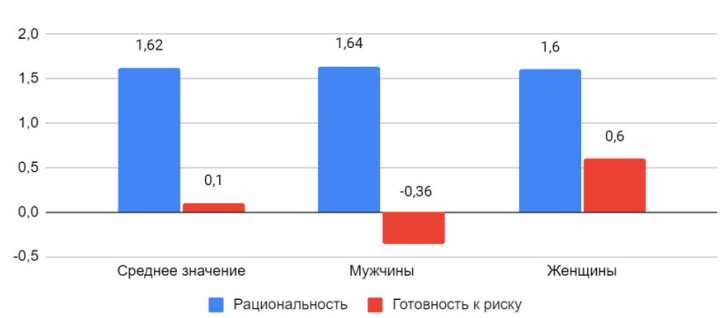

Рис. 9. Рациональность и готовность к риску в зависимости от пола

Тест «Потребность в поиске ощущений»

Тест “Потребность в поиске ощущений” показал, что из 21 респондента двое показали низкий уровень потребности в ощущениях, 16 – средний уровень, и трое – высокий (см. рис. 10).

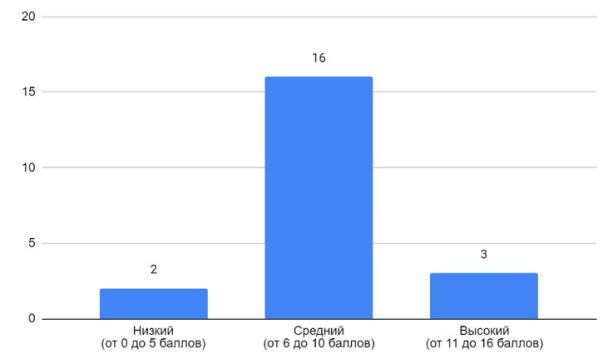

Рис. 10. Уровень потребности в поиске ощущений

Методика диагностики степени готовности к риску Шуберта

Как видно на рисунке 11, методика Шуберта также отображает умеренные показатели склонности к риску (см. рис. 11). 12 респондентов набрали среднее значение, трое – ниже среднего, пятеро – выше среднего, и только один респондент показал высокую склонность к риску.

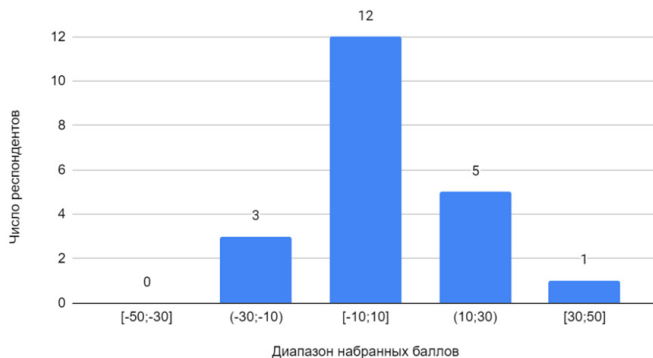

Рис. 11. Готовность к риску

Методика «Исследование склонности к риску» А. Г. Шмелёва

По методике А.Г. Шмелёва восемнадцать респондентов показали средний уровень склонности к риску, набрав от 11 до 29 баллов, трое – высокий с результатом более 30 баллов (см. рис. 12). Ни один респондент не оказался в категории низкой склонности к риску.

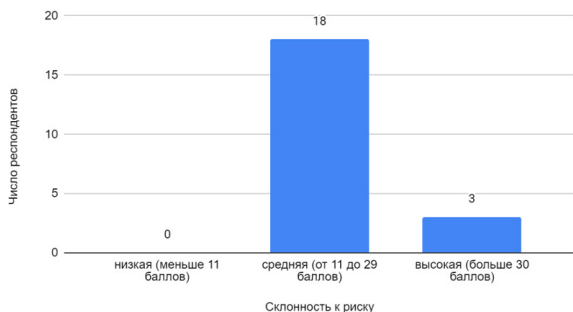

Рис. 12. Склонность к риску

Методика «Самооценка склонности к экстремально-рисканному поведению» (М. Цуккерман)

По методике М. Цуккерман респонденты также набрали средние значения (см. рис. 13). По каждой шкале диапазон баллов от 0 до 10. Поиск острых ощущений оказался ведущим драйвером склонности к экстремально-рисканному поведению и составил 4,1 балла. Респонденты набрали 3,95, 3,86 и 3,71 баллов по шкалам НСТ, НО и ПНВ, соответственно.

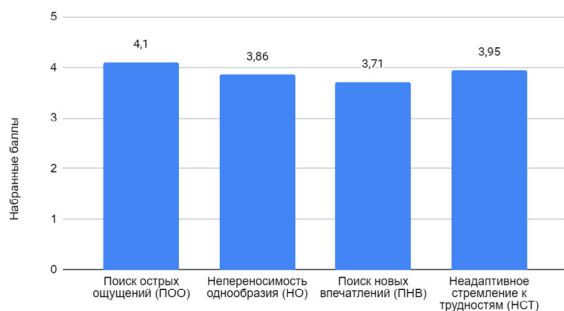

Рис. 13. Склонность к экстремально-рисканному поведению

Тест «Способны ли вы идти на оправданный риск?»

Результаты заключительного опросника схожи с рядом предыдущих (см. рис. 14). Двенадцать респондентов показали среднюю склонность к риску, пятеро проявили низкую склонность, четверо – высокую. Ни один респондент не показал очень низкую или очень высокую склонность.

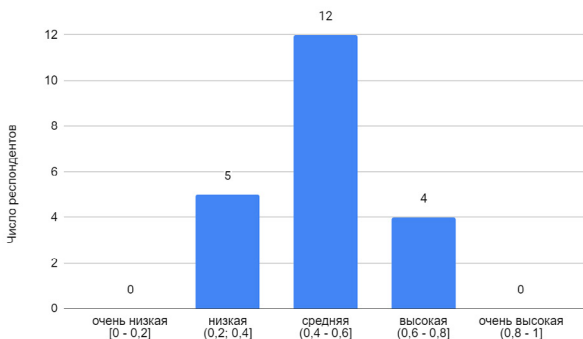

Рис. 14. Склонность к риску

Анализ и интерпретация результатов

Большинство респондентов, как мужчины, так и женщины, проявили низкий уровень экстраверсии, особенно женщины. Такая тенденция указывает на более выраженную интровертированную направленность выборки. Высокие баллы мужчин по эмоциональной стабильности и открытости опыту свидетельствуют о большей готовности к новым впечатлениям в сравнении с женщинами, которые продемонстрировали высокую добросовестность. Эти данные могут означать, что мужчины и женщины обладают разными подходами к внутренней стабильности и дисциплине, возможно, отражая социальные стереотипы, когда женщины более акцентированы на структурированности и обязательности. **Тест Смысложизненных ориентаций (СЖО)** показал высокий уровень смысложизненных ориентиров, что говорит о сильной внутренней мотивации и ориентации на значимые жизненные цели у участников. Незначительная разница в результатах между мужчинами и женщинами (4%) также может указывать на высокую степень социальной или культурной согласованности в жизненных смыслах. **Уровень инновационного потенциала** выше среднего (около 62%)

предполагает способность участников проявлять творческий подход и гибкость в профессиональной или личной жизни. Отсутствие гендерных различий говорит о том, что в данном аспекте мужчины и женщины демонстрируют равную готовность к внедрению нового и оригинального, что также положительно сказывается на их способности адаптироваться к изменениям. **Методика «Измерение рациональности»** показала, что устойчивость к намерениям и решительность являются менее популярными качествами, что указывает на возможные трудности в реализации долгосрочных целей. Высокая осторожность, проявленная большинством респондентов, свидетельствует о склонности тщательно взвешивать последствия перед принятием решений. Это может быть обусловлено социальной средой, где принятие рисков требует определенного уровня готовности и уверенности. Умеренные баллы по рациональности и готовности к риску **опросника АФР-25** предполагают, что респонденты склонны избегать рискованных ситуаций, предпочитая более безопасные, возможно, менее спонтанные решения. Женщины при этом проявили немного большую готовность к риску, что может говорить об их открытости к новым возможностям, несмотря на сравнительно более высокую осторожность. **Тест «Потребность в поиске ощущений»** и **методика Шуберга** показывают умеренные уровни стремления к новым впечатлениям и склонности к риску. Лишь небольшое число респондентов проявили высокий уровень риска, что указывает на наличие склонности к умеренному риску среди участников. Преобладание среднего уровня риска может свидетельствовать о том, что респонденты предпочитают баланс между безопасностью и новыми возможностями. **Методика Шмелева** также поддерживает этот вывод, показывая, что большинство участников находятся на среднем уровне, что предполагает обоснованное и осознанное отношение к риску, а не слепую авантюризм. **Методика Цуккермана** добавляет дополнительный контекст, подчеркивая, что поиск острых ощущений (балл 4,1) является ведущим фактором, связанным с экстремально-рискованным поведением. Остальные параметры такие, как стремление к трудностям и неприязнь к однообразию, остаются на среднем уровне. Этот результат показывает, что участники, хотя и испытывают стремление к новому, склонны проявлять его в ограниченных масштабах, избегая крайностей.

Выводы

В целом, результаты исследования показывают, что группа респондентов характеризуется умеренной склонностью к риску, осторожностью и предпочтением стабильности, что поддерживается более высоким уровнем внутренней мотивации и смысложизненных ориентиров. Мужчины и женщины демонстрируют сходные уровни инновационного потенциала, однако различаются по таким чертам, как экстраверсия и добросовестность. Эти данные могут говорить о том, что в современном контексте мужчины и женщины подходят к решению жизненных и профессиональных задач с различными стратегиями, что отражает как личностные, так и культурные особенности. Сочетание осторожности, внутренней мотивации и среднего уровня стремления к ощущениям предполагает, что респонденты, скорее всего, будут ориентированы на сбалансированные решения с умеренным уровнем риска и склонностью к контролируемым нововведениям. Такой профиль личности указывает на общую готовность к адаптации, но без чрезмерного авантюризма.

Перспективы и ограничения исследования

Результаты исследования округлены до сотых, в связи с чем в диаграммах возможны незначительные расхождения. Также в методике «измерение рациональности» есть 2 типа черт личности респондента. Одни черты зависят только от одного ответа в опроснике, а другие от нескольких ответов. Например, осторожность как черта личности измеряется ответами 1)а), 2)а) и 4)а). Если респондент ответил хотя бы на один из этих вопросов, как указано в ключе, он считается осторожным. Однако можно предположить, что существует разница между респондентами, набравшими одно, два и три совпадения соответственно. Эта разница не отображается в текущей версии статьи, но может быть полезным ресурсом для дальнейших исследований.

Литература

- Бабина, В.С. Практикум по психодиагностике. Психодиагностика мотивации и саморегуляции. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990.
- Власенко, Ю.А. Психологический анализ инновационного потенциала личности. Дис. ... канд. психол. наук. Симферополь, 2003.
- Егорова, М.С., Паршикова, О.В. Психометрические характеристики Короткого портретного опросника Большой пятерки (Б5-10) // Психологические исследования. 2016. Т. 9. № 45. <https://doi.org/10.54359/ps.v9i45.492>

- Истратова, О.Н. Справочник психолога-консультанта организации. М: Феникс, 2010.
- Корнилова, Т.В. Психология риска и принятия решений. М.: Аспект-Пресс, 2003.
- Котик, М.А. Психология и безопасность. Таллинн: Валгус, 1989.
- Леонов, И.Г. Познай себя и других: Популярные тесты. М.: Маркетинг, 1993.
- Леонтьев, Д.А. Тест смысложизненных ориентаций (СЖО). М.: Смысл, 1992.
- Никифоров, Г.С. Практикум по психологии здоровья. М.: Питер, 2005.
- Римский, Р.Р., Римская, С.А. Альманах психологических тестов. М.: КСП, 1995.
- Ainslie, G. Specious reward: A behavioral theory of impulsiveness and impulse control // *Psychological Bulletin*. 1975. Vol. 82. No. 4. P. 463–496.
- Arthur, W., Doverspike, D. Predicting motor vehicle crash involvement from a personality measure and a driving behavior measure // *Journal of Safety Research*. 2000. Vol. 31. No. 4. P. 187–196.
- Bandura, A. *Social learning theory*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1977.
- Baumeister, R.F., Vohs, K.D. Self-regulation, ego depletion, and motivation // *Social and Personality Psychology Compass*. 2007. Vol. 1. No. 1. P. 115–128.
- Beauchaine, T.P., Zisner, A. Motivation, incentive processing, and the impact of ADHD and externalizing behaviors on risk-taking and impulsivity // *Psychiatry Research*. 2017. Vol. 252. P. 32–40.
- Costa, P.T., McCrae, R.R. *Revised NEO Personality Inventory (NEO-PI-R) and NEO Five-Factor Inventory (NEO-FFI) professional manual*. Odessa, FL: Psychological Assessment Resources, 1992.
- Eysenck, H.J., Eysenck, M.W. *Personality and individual differences: A natural science approach*. New York, NY: Plenum, 1985.
- Festinger, L. *A theory of cognitive dissonance*. Stanford, CA: Stanford University Press, 1957.
- Freud, S. *The ego and the id* (J. Riviere, Trans.). London, UK: The Hogarth Press and the Institute of Psycho-Analysis, 1923.
- Graziano, W.G., Eisenberg, N. Agreeableness: A dimension of personality. In R. Hogan, J. Johnson, & S. Briggs (Eds.), *Handbook of personality psychology* (pp. 795–824). San Diego, CA: Academic Press, 1997.
- Kahneman, D., Tversky, A. Prospect theory: An analysis of decision under risk // *Econometrica*. 1979. Vol. 47. No. 2. P. 263–291.
- Lahey, B.B. Public health significance of neuroticism // *American Psychologist*. 2009. Vol. 64. No. 4. P. 241–256.
- Maslow, A.H. A theory of human motivation // *Psychological Review*. 1943. Vol. 50. No. 4. P. 370–396.

- McCrae, R.R., Sutin, A.R. Openness to experience. In M.R. Leary & R.H. Hoyle (Eds.), *Handbook of individual differences in social behavior* (pp. 257–273). New York, NY: The Guilford Press, 2009.
- Stanovich, K.E., West, R.F. Individual differences in reasoning: Implications for the rationality debate? // *Behavioral and Brain Sciences*. 2000. Vol. 23. No. 5. P. 645–665.
- Terracciano, A., Lockenhoff, C.E., Crum, R.M., Bienvu, O.J., Costa, P.T. Five-Factor Model personality profiles of drug users // *BMC Psychiatry*. 2008. Vol. 8. P. 22.
- Wilde, G.J.S. The theory of risk homeostasis: Implications for safety and health // *Risk Analysis*. 1982. Vol. 2. No. 4. P. 209–225.
- Zuckerman, M. An alternative to the sensation seeking scale as a measure of need for novelty // *Journal of Consulting Psychology*. 1964. Vol. 28. No. 6. P. 504–508.

Сведения об авторе

Владимир Д. Алексеев, аспирант, Московский Институт Психоанализа, Москва, Россия; 125171, Россия, Москва, Петрозаводская улица, д. 18, к. 1; v.d.alexeev@mail.ru

Alekseev V.D.

On the issue of individual and personal factors in the formation of risk behaviour

Moscow Psychoanalysis University, Moscow, Russia

This article is devoted to the study of the relationship between personal qualities and the propensity to risk behaviour. In the conditions of modern society, where uncertainty and rapid changes are becoming more and more prominent, it is important to understand how individual personality traits influence risk-related decision-making.

The aim of the study: to deepen understanding of the mechanisms of risky behaviour in terms of individual personality traits by means of empirical research using a set of classic domestic and foreign techniques.

The study used such techniques as: The Brief Big Five Questionnaire – TIPI, the test of meaning and life orientations (TMLO), the methodology of studying the features of manifestation of innovative potential of personality of Vlasenko Y.A. and Kalin V.K., methodology ‘Measurement of rationality’, questionnaire ‘Personal factors of decision-making’ (PFDM-25), test ‘Need to search for sensations’, methodology ‘Self-assessment of the propensity to extreme risky behaviour’ (M. Zuckerman), Schubert’s methodology of diagnostics of the degree of readi-

ness to risk, A.G. Shmelev's methodology 'Study of the propensity to risk', test 'Are you able to take a justified risk?'

In general, the results of the study show that the group of respondents is characterised by a moderate propensity to risk, caution and preference for stability, which is supported by a higher level of intrinsic motivation and meaning-life orientations with the expression of such personality traits as conscientiousness and openness to new experiences. Also, the majority of respondents, both men and women, showed a low level of extraversion. This trend indicates a more pronounced introverted sample orientation. The overall profile of the respondent indicates a general readiness to adapt, but without excessive adventurism.

Key words: personality traits, risky behaviour, risk seeking, decision making

For citation: Alekseen, V.D. (2024). On the issue of individual and personal factors in the formation of risk behaviour. *New Psychological Research*, No. 4, 185–212. DOI: 10.51217/npsyresearch_2024_04_04_08

References

- Ainslie, G. (1975). Specious reward: A behavioral theory of impulsiveness and impulse control. *Psychological Bulletin*, 82(4), 463–496.
- Arthur, W., & Doverspike, D. (2000). Predicting motor vehicle crash involvement from a personality measure and a driving behavior measure. *Journal of Safety Research*, 31(4), 187–196.
- Babina, V.S. (1990). *Practicum on psychodiagnostics. Psychodiagnostics of motivation and self-regulation*. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta.
- Bandura, A. (1977). *Social learning theory*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall.
- Baumeister, R.F., & Vohs, K.D. (2007). Self-regulation, ego depletion, and motivation. *Social and Personality Psychology Compass*, 1(1), 115–128.
- Beauchaine, T.P., & Zisner, A. (2017). Motivation, incentive processing, and the impact of ADHD and externalizing behaviors on risk-taking and impulsivity. *Psychiatry Research*, 252, 32–40.
- Costa, P.T., & McCrae, R.R. (1992). *Revised NEO Personality Inventory (NEO-PI-R) and NEO Five-Factor Inventory (NEO-FFI) professional manual*. Odessa, FL: Psychological Assessment Resources.
- Egorova, M.S., & Parshikova, O.V. (2016). Psychometric characteristics of the Big Five Short Portrait Questionnaire (B5-10). *Psikhologicheskie issledovaniya*, 9(45). <https://doi.org/10.54359/ps.v9i45.492>
- Eysenck, H.J., & Eysenck, M.W. (1985). *Personality and individual differences: A natural science approach*. New York, NY: Plenum.
- Festinger, L. (1957). *A theory of cognitive dissonance*. Stanford, CA: Stanford University Press.
- Freud, S. (1923). *The ego and the id (J. Riviere, Trans.)*. London, UK: The Hogarth Press and the Institute of Psycho-Analysis.

- Graziano, W.G., & Eisenberg, N. (1997). Agreeableness: A dimension of personality. In R. Hogan, J. Johnson, & S. Briggs (Eds.), *Handbook of personality psychology* (pp. 795–824). San Diego, CA: Academic Press.
- Istratova, O.N. (2010). *A handbook for the counselling psychologist of an organization*. Moscow: Phoenix.
- Kahneman, D., & Tversky, A. (1979). Prospect theory: An analysis of decision under risk. *Econometrica*, 47(2), 263–291.
- Kornilova, T.V. (2003). *The psychology of risk and decision making*. Moscow: Aspekt-Press.
- Kotik, M.A. (1989). *Psychology and security*. Tallinn: Valgus.
- Lahey, B.B. (2009). Public health significance of neuroticism. *American Psychologist*, 64(4), 241–256.
- Leonov, I.G. (1993). *Know yourself and others: Popular tests*. Moscow: Marketing.
- Leontiev, D.A. (1992). *Meaning and Life Orientations Test*. Moscow: Smysl.
- Maslow, A.H. (1943). A theory of human motivation. *Psychological Review*, 50(4), 370–396.
- McCrae, R.R., & Sutin, A.R. (2009). Openness to experience. In M.R. Leary & R.H. Hoyle (Eds.), *Handbook of individual differences in social behavior* (pp. 257–273). New York, NY: The Guilford Press.
- Nikiforov, G.S. (2005). *Practicum in health psychology*. Moscow: Piter.
- Rimskii, R.R., & Rimskaya, S.A. (1995). *An almanac of psychological tests*. Moscow: KSP.
- Stanovich, K.E., & West, R.F. (2000). Individual differences in reasoning: Implications for the rationality debate? *Behavioral and Brain Sciences*, 23(5), 645–665.
- Terracciano, A., Lockenhoff, C.E., Crum, R.M., Bievenu, O.J., & Costa, P.T. (2008). Five-Factor Model personality profiles of drug users. *BMC Psychiatry*, 8, 22.
- Vlasenko, Yu.A. (2003). *Psychological analysis of the innovative potential of an individual* (Doctoral dissertation). Simferopol.
- Wilde, G.J.S. (1982). The theory of risk homeostasis: Implications for safety and health. *Risk Analysis*, 2(4), 209–225.
- Zuckerman, M. (1964). An alternative to the sensation seeking scale as a measure of need for novelty. *Journal of Consulting Psychology*, 28(6), 504–508.

Information about the author

Vladimir D. Alekseev, PhD student, Moscow Institute of Psychoanalysis, Moscow, Russia; bld. 18–1, Petrozavodskaya str., Moscow, Russia, 125171; v.d.alekseev@mail.ru